

**Дискурсивные практики революционных субъектов в Латинской Америке
XX века: сравнительный анализ**

Научный руководитель – Рахманов Азат Борисович

Коренюк Макар Александрович

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Социологический факультет, Кафедра социальных технологий, Москва, Россия

E-mail: korenyukma@my.msu.ru

Социальные революции в Латинской Америке XX века представляют собой значимый объект социологического анализа, демонстрирующий специфику революционных процессов в условиях периферийного капитализма. Существующие теоретические подходы к изучению революций - от марксистской концепции классовой борьбы до структурных моделей С. Хантингтона и Д. Голдстоуна [3; 5] - преимущественно сосредоточены на анализе объективных предпосылок и движущих сил революционных преобразований. Вместе с тем вопрос о том, каким образом различные революционные субъекты конструировали и легитимировали свои действия посредством дискурсивных практик, остается недостаточно разработанным [7]. Между тем именно дискурсивное измерение позволяет объяснить, почему при схожих объективных условиях революционные процессы в разных странах региона принимали принципиально различные формы мобилизации и идеологического обоснования.

Целью данного исследования является сравнительный анализ дискурсивных практик основных субъектов революционных процессов в Мексике, на Кубе и в Никарагуа. Под дискурсивными практиками мы понимаем устойчивые способы обоснования и легитимации революционных действий, выраженные в программных документах, публичных выступлениях и идеологических текстах. Методологическую основу составляют элементы критического дискурс-анализа в сочетании со сравнительно-историческим методом, что позволяет выявить как специфику каждого кейса, так и общие закономерности.

Мексиканская революция 1910–1917 годов характеризуется доминированием аграрно-общинного дискурса, носителем которого выступало крестьянство. Ключевым дискурсивным документом стал План Аялы (1911), зачитывавшийся на сходах крестьянских общин и сформулированный движением Э. Сапаты, содержащий требования перераспределения земель и ликвидации латифундий [4]. Как отмечает Э. Вольф, сапатистское движение опиралось на традиционные общинные структуры мексиканской деревни и объединяло экономические требования с защитой индейской культурной идентичности [10]. Дискурс Сапаты апеллировал не к марксистским категориям классовой борьбы, а к историческим правам общин на землю и восстановлению доколониальных форм организации (эхидос). Характерно, что пролетарский дискурс, представленный «Красными батальонами», оказался подчинён государственно-модернизационному проекту Каррансы и не сформировал самостоятельной дискурсивной стратегии [9]. Таким образом, мексиканский случай демонстрирует конфликт дискурсов: крестьянского, ориентированного на традицию и справедливость, и государственного, направленного на модернизацию.

Кубинская революция (1953–1961) представляет иную модель - эволюцию дискурса от национально-освободительного к марксистско-ленинскому. На начальном этапе риторика Ф. Кастро, транслировавшаяся через партизанское радио и публицистику, была сосредоточена на борьбе против диктатуры Ф. Батисты и восстановлении национального суверенитета [6]. Открытое провозглашение Кастро социалистического характера революции

в 1961 году ознаменовало идеологический сдвиг [7]. Параллельно Э. Че Гевара разработал концепцию вооружённого авангарда, согласно которой партизанский очаг способен создать революционную ситуацию роль и мобилизовать крестьянские массы [2]. Дискурс Гевары отличался от ортодоксального марксизма переносом центра революционной субъектности из города в сельскую местность и акцентом на моральных, а не материальных стимулах. Кубинский кейс демонстрирует, как дискурсивная стратегия адаптировалась к меняющимся политическим условиям и потребностям внешнеполитического позиционирования.

Никарагуанская революция (1961–1979) представляет знаменательный случай синтеза двух дискурсивных традиций - марксистской и теолого-освободительной. Сандинистский фронт национального освобождения (СФНО) сочетал марксистско-ленинскую риторику с обращением к религиозным ценностям, что было обусловлено значительной ролью низовых христианских общин, действовавших через приходские проповеди и библейские кружки, в мобилизации населения [1]. Декларация СФНО о религии (1980) подтвердила, что религиозные убеждения совместимы с революционными действиями. Теология освобождения, по мысли Г. Гутьерреса, требовала от христиан не только духовных размышлений, но и материальных действий против несправедливости [8]. Дискурсивная стратегия сандинистов - «вера обязывает к борьбе» - позволила расширить базу мобилизации за пределы классовых категорий, включив в неё верующих, которые не идентифицировали себя с марксизмом [9]. Этот синтез оказался эффективнее как чисто аграрного, так и чисто марксистского дискурсов.

Три модели: аграрно-общинная, марксистско-авангардная, теолого-освободительная образуют не просто типологию, а последовательность: каждая следующая революция выстраивала дискурс с учётом ограничений предыдущей. Однако анализ только «победивших» случаев создаёт смещение — движения со сходной риторикой в Боливии и Гватемале потерпели поражение. Дискурсивные практики, таким образом, оказываются необходимым, но недостаточным условием мобилизации.

Источники и литература

- 1) Гарсиа Дж., Роча М., Лаухина С.С. Сандинистская революция в Никарагуа // Вестник Омской Православной Духовной Семинарии. 2017. №3. С. 70-74.
- 2) Гевара Ч. Социализм и человек на Кубе. М., 2018.
- 3) Голдстоун Д. Революции. Очень краткое введение. М., 2015.
- 4) Ларин Е.А. Эмилиано Сапата: земля и воля по-мексикански // Латиноамериканский исторический альманах. 2005. № 6. С. 52-66.
- 5) Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004.
- 6) Хейфец В.Л., Костюк Р.В. Народный фронт в теории и практике современного латиноамериканского левого движения // Латинская Америка. 2019. № 11. С. 26-41.
- 7) Шульц Э.Э. Феномен Кубинской революции в контексте технологий управления социальным протестом // Приволжский научный вестник. 2014. №4 (32). С. 145-153.
- 8) Gutierrez G. A Theology of Liberation: History, Politics and Salvation. N.Y., 1973.
- 9) Vanden H.E. Marxism and the Peasantry in Latin America: Marginalization or Mobilization? // Latin American Perspectives. 1982. Vol. 9, № 4. P. 74-85.
- 10) Wolf E.R. Peasant Wars of the Twentieth Century. N.Y., 1969.